

ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ДИНАМИКИ ДИАЛЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КАРТЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

ЛЮБОВЬ КУРКИНА (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)

«Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (далее — ЭССЯ), работа над которым ведется в Отделе этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, решает задачу реконструкции праславянского лексического фонда, т. е. выделения в составе славянского словаря древнейшего пласта лексики, который предположительно может быть отнесен к праславянской эпохе, точнее к периоду от начала славянских миграций (V–VI вв.) до появления первых письменных памятников. И это направление исследований находит отражение во второй части названия словаря — Праславянский лексический фонд. В 1974 г. вышел 1-й вып. ЭССЯ, в конце 2018 г. — 41-й вып. (**pala* – **razъpъjъ*). Идея восстановления древнейшего слоя славянской лексики получила воплощение еще в одном издании — в «Праславянском словаре», работа над которым велась параллельно в Кракове под руководством проф. Ф. Славского [Słownik prasłowiański. T. 1–8, 1974–2001]. Почти одновременно опубликованные в Москве и Кракове первые результаты работы при всех различиях в методике существенно изменили представление о лексике праславянского языка [Трубачев 1976: 3–17]. В том и другом словаре основной единицей стали цельнооформленные лексико-словообразовательные единицы, как равноправные самостоя-

тельную позицию в словаре имеют однокоренные слова, оформленные разными суффиксами и префиксами [Трубачев 1963: 159–196]. В составе словника простые, непроезводные образования и образования, оформленные по словообразовательным моделям, актуальным для древней эпохи, ср. **kamy*, *-ene*, **kamenica*, **kamenišče*, **kamenьka*, **kamenъль(ь)*, **kameněti* и т. п. Словарь дает монографическое представление о реализации в славянском языковом пространстве моделей с преф. *bez-*, *do-*, *ъz-*, *na-*, *ob-*. В словаре представлен в полном объеме состав образований с архаичными преф. *a-*, *ko-/ka-*, *pa-*. В опубликованном отрезке ЭССЯ около 20 тыс. словарных статей. Попутно заметим, что в самом начале работы над ЭССЯ предполагалось, что праславянский словник будет насчитывать не более 5–6 тыс. слов, а несколько раньше, в 60-е гг., когда зародилась идея реконструкции праславянского словника, на основе первых предварительных исследований по материалам тематических групп словаря, материалам Этимологических словарей славянских словарей в работах Т. Лер-Сплавинского, Т. Орлоя, С. Радевой и др. [Lehr-Spławiński 1938: 469–484; Orłoś 1958: 267–283; Radewa 1963: 171–199; см. обзор Janowskiak 1997: 8–9] предполагалось, что в праславянский словник войдет 1,5–3 тыс. словарных единиц. Лексический состав праславянского языка, как заметил О. Н. Трубачев, остается вещью искомой. Как избыточность, так и неполнота словника-реконструкции искажает первоначальную картину [Трубачев 1976: 10]. Полнота и то, что можно назвать адекватным отображением исходного состояния, зависит от многих причин — от объема привлекаемого материала, от методики анализа, принципов отбора лексем праславянской древности, от возможности разграничения в плане хронологии архаизмов и инноваций, унаследованных образований и параллельных образований и т. п.

Реконструируемый праславянский словарь дает материал для изучения дописьменной истории в самых разных аспектах и один

из них — восстановление изменений в структуре диалектных связей на плоскости праславянского языка в разные периоды его развития. Лексика со сложным распределением диалектных связей не только дополняет, но и наполняет новым конкретным содержанием традиционные, сложившиеся по данным фонетики и морфологии представления о структуре праславянского языка и тем самым углубляет понимание процессов, которые протекали в системе праславянского языка. Ясно, что проблема диалектной структуры праславянского языка не может быть решена в рамках одного уровня — на уровне фонетики, морфологии или лексики. Реконструкция, не выходящая за рамки одного уровня, открывает лишь отдельные фрагменты развития праславянского языка. Только в комплексе при поддержке показаний лексики данными других уровней можно подойти к пониманию моментов, существенных в плане развития праславянского языка.

Для восстановления диалектной структуры праславянского языка с опорой на данные лексического уровня одинаково важны как лексико-словообразовательные единицы общеславянского распространения, так и образования, ограниченные в своем распространении отдельными регионами и даже отдельными диалектами. В рамках общей проблемы состава праславянского словаря решается специальная проблема — проблема лексических диалектизм праславянской древности. Примерно половина всего состава приходится на лексические диалектизмы — явления, ограниченные в своем распространении отдельными регионами. В связи с этим принципиально важное значение имеет положение о возможности сохранения лексических архаизмов с и.-е. связями в одном диалекте [Трубачев 1963: 169 и след.]. Именно локально ограниченные явления с ограниченными связями в славянском словаре несут наибольшую информацию о динамике диалектных отношений в праславянском языке. Лексические связи региональных элементов образуют сложную мозаику, в которой далеко не всегда поддаются вычленению устойчиво повторяющиеся ли-

нии связей.

Возникает вопрос — при каких условиях лексика может быть показателем лингвоэтнических процессов? В силу ряда причин, в отличие от фонетики и словообразования, лексика как наиболее изменчивая, подвижная часть языка не имеет силы абсолютного показателя. Трудно решить вопрос о времени появления межъязыковых соответствий, остается открытой возможность параллельного развития. Проницаемость лексического уровня, способность слова распространяться за пределы исходного ареала осложняют понимание природы изолексов особенно в тех случаях, когда совпадения наблюдаются на смежной территории, в пограничной области [Porowska-Taborska 1991: гл. VII]. В силу ряда внешних и внутренних причин слово может быть утрачено в одном ареале, но сохраниться в другом. При интерпретации лексических сходжений необходимо считаться с несколькими альтернативами:

1) лексико-семантические и лексико-словообразовательные соответствия могут отражать генетическое тождество на праславянском уровне.

2) лексемы, построенные по активным словообразовательным моделям, могли сложиться в разных славянских ареалах параллельно, независимо друг от друга; сходная семантика, наблюдаемая у лексем в разных ареалах, может быть результатом разных мотивационных процессов.

Несистемный характер лексики, неполнота фактической базы, предоставляемой лексикографическими источниками, подвижность лексики, возможность утраты слова и т. п., а также отсутствие достаточно надежных критериев для разграничения архаизмов и новообразований — все эти и другие моменты затрудняют продвижение вглубь и требуют взвешенного подхода при оценке лексических связей. Кроме того, сам факт установления изолексов нередко требует этимологического осмысления материа-

ла, и нередко именно от избранного этимологического решения зависят выводы о направлении изоглосс. Однако при всех трудностях материал ЭССЯ, основанный на максимально полном использовании всех доступных лексикографических источников, включая исторические и диалектные, позволяет обозначить некоторые направления изоглоссных связей в славянском языковом пространстве. Через разнонаправленные устойчиво повторяющиеся изолексы проявляются характеристики, позволяющие в какой-то степени восстановить картину меняющихся диалектных связей и соответственно членения праславянского языка. Показателем внутридиалектных отношений служит не только лексическое тождество сопоставляемых ареалов, но и несовпадение, различия в словаре.

Региональные явления, лексические диалектизмы, на которые приходится значительный отрезок словаря, неоднородны по своей структуре. По особенностям структуры и связям на и.-е. уровне в составе региональных явлений можно выделить несколько групп.

1. Лексические диалектизмы, структура которых не мотивирована системными отношениями на уровне праславянского языка.

На почве праславянского языка они выступают как единое целое, неразложимое на составные элементы; корневой вокализм не участвует ни в одном из видов чередований; родственные образования прослеживаются в части и.-е. диалектов:

словен., с.-хорв. *kača* 'змея' (при шток. *zmija*) с неясными истоками, предположительно выводимое из праслав. **keuk-* 'изгибаться' [Bezlej II: 8] или связываемое с и.-е. **qōq-/*qēq-* 'извиваться, гнутья' [Младенов Ст. 1914: 458–460];

словен., с.-хорв. диал. *bar* 'вид проса' (<**bъгъ* < **bher-* 'быть острым') при др.-рус. *боръ* 'ячень', чеш. *bér* 'вид проса' и т.п. ~ лат. *far, farris* 'вид зерна', гот. *bariz-eins* 'ячменный' и т.п. [ЭССЯ 3: 134–135];

словен. *sôt* 'горная тропа', ст.-болг. топ. *Соутьць / Сжтьць* ~

др.-н.-нем. *sind* 'дорога' [Bezlej 1967: 143].

словен. *távati* 'тяжело ступать', с.-хорв. диал. *tavīnīt* 'бродить без дела, слоняться' ~ лит. *taujóti* 'бродяжничать'.

2. Лексические диалектизмы с родственными связями на уровне чередований.

словен. *mléden* 'худой', *omléden* 'пресный', с.-хорв. *mlédan*, *mlidan* 'худой; безвкусный' < *meld- ~ *modь [Куркина 1992: 81].

словен. *smogór*, *smogur* 'сучок; нарост на ветке', н.-луж. *smogor* 'торф', польск. диал. *smogorz* ~ *smegnōti / *smęgnōti, ср. рус. диал. *осмягнуть* 'высохнуть' [Куркина 1992: 73 и след.].

3. Различия на уровне суффиксальных формантов.

Производное с древним формантом *-ǫdь* характеризует зап.-юслав. *pel-ǫdь, сложившееся на основе гл. *pelti, *pelvǫ* 'полоть': словен. *pelod* 'цветочная пыльца', кайк., чак. *pelūd* то же [Куркина 1992: 114].

С формантом *-l* словен. *sél* 'зерно, семя', с.-хорв. *sionica* 'питомник', производные от гл. *sěti, ср. хетт. *šeli* 'куча зерна', лит. *pa-selys* 'зерно' [Куркина 1992: 139].

С формантом *-t* словен. *sprosti* мн. 'распорки в ткацком станке' ~ *sz-pręd-ti ~ лит. *spréndžiu*, *sprėsti* 'обтягивать, обмерять' [Bezlej 1967: 126].

Особо следуют подчеркнуть, что лексические связи показательны только в том случае, если устанавливаемое соответствие отличительно характеризует диалекты на широком славянском фоне. Строго говоря, изоглосные связи следует выстраивать дифференцированно с учетом их структурных особенностей. В рамках небольшой статьи затруднительно в полном объеме дать обоснование каждой из выявляемых изоглосных связей. Свою задачу мы видим в том, чтобы в сложной мозаике диалектных связей, изолированных на общеславянском фоне, тезисно наметить основные направления изолекс и привести небольшой материал, иллюстрирующий эти связи.

Полученные результаты не имеют абсолютной силы, поскольку

ку с появлением новых источников всегда остается вероятность изменения географии слова¹. Но при всех ограничениях лексика не может и не должна быть игнорирована при реконструкции диалектного членения праславянского языка.

Проблема общего и частного в словаре особенно актуальна для ю.-слав. языков, так как от решения этой проблемы зависит общее понимание лингвогенеза, формирования и развития славянских языков. В пределах южнославянского языкового пространства, по данным современной диалектологии, выделяется, по меньшей мере, три диалектные зоны (северо-западная, юго-восточная, область штокавского диалекта), каждая из которых имеет свои особенности в распределении лексических изоглосс. Можно говорить и о лингвистической гетерогенности отдельных южнославянских языков. В составе словенского языка разграничивается собственно словенская часть и северо-западная, обнаруживающая тесные соприкосновения с южной частью западнославянских языков. В составе южнославянской группы особое положение занимает северо-западная часть, образующая довольно устойчивое единство диалектов словенских, кайкавских, чакавских. В области болгарского языка противопоставлены два ареала — юго-западный и северо-восточный, граница между которыми близко подходит к ятевой границе, но строго не совпадает с ней и допускает колебания в ту и другую сторону. Основание для такого деления дают и древнейшие письменные памятники.

---

¹ Так, принято считать, что на ю.-слав. территории в словенском языке отсутствует продолжение слав. *zveno. Однако недавно французская исследовательница Антония Бернад, уроженка Словении, в своей книге «Slovarček osirotelih besed» приводит известное ей с детства, которое прошло в гористой области Похорья (к западу от Марибора), слово *žveno* (сообщение С. Торкара). И это ставит вопрос: является ли словенский диалектизм исконным, сохранившимся в небольшом говоре, или появление его стало результатом заимствования или каких-то других процессов.

В работе Ягича «История церковнославянского языка» выявлено немало лексических дублетов, которые свидетельствуют о том, что ст.-слав. лексика имела свои особенности в памятниках Преславской и Охридской школах. Ср. пары (1-й член охрид.) **ГОУМНО** – **ТОКЪ**, **ДРЬКОЛЬ** – **ЖРЬДЪ**, **СТОУДЕНЬЦЪ** – **КЛАДЪЗЪ** и т. д. Лингвистические данные, указывающие на характер древнего диалектного членения болгарского языка, находятся в некотором соответствии с наблюдениями этнографов о распределении по этим двум ареалам некоторых видов сельскохозяйственных орудий и их обозначений. Х. Вакарелски показал на примере важнейших хозяйственных терминов (ср. *гумно* – *ток* – *харман*, *върлина* – *разтока* – *опашка*), как близко подходят друг к другу границы языковых и этнографических явлений [Вакарелски 1934: 58–100]. По мнению М. Младенова [Младенов 1971: 346–369], эта граница является той линией, около которой и в одном направлении с которой наблюдается целый ряд явлений языковых и этнографических (ср. название *ярма*). Как известно, неоднородна структура и сербохорватского языка.

Встает вопрос о хронологической глубине ю.-слав. диалектов, можно ли говорить о ю.-слав единстве на какой-то ступени развития праславянского языка и что дает лексика для понимания этой проблемы.

Знаком деления ю.-слав. языковой группы на два больших ареала — западный и восточный является группа *dj, tj*. Южнославянская языковая группа не обнаруживает единства и в лексике. Известная самостоятельность и обособленность южнославянских диалектных зон находит выражение в составе лексических диалектизмов, направлении внешних и внутренних связей. Для общего понимания процесса формирования южнославянской языковой группы важно выявить особенности отдельных диалектов в их внутренней взаимосвязи и в отношении с севернославянскими языками. Лингвогеографическое изучение лексики открывает новые аспекты в распределении диалектных связей

на карте праславянского языка.

Специфически южнославянские лексические диалектизмы представлены не на всей южнославянской территории, а, как правило, сосредоточены в северо-западном или юго-восточном ареале.

Преимущественно в северозападной части сосредоточены продолжения следующих древних лексем. Приведем некоторые примеры:

**bl'uzgati* > словен. *bljūzgati* 'бродить по грязи', с.-хорв. *bljūzgati* 'болтать' ~ **bl'ьvati* [ЭССЯ 2: 139];

*bъgia > словен. *baža* 'террасный виноградник' ~ *bъgati 'гнуть, сгибать';

*děža > словен. *deža* 'кадушка' (< **dhojg'hiā*) ~ нем. *Teig* 'тесто' [ЭССЯ 5: 23];

*drěkъ > словен., с.-хорв. *dreka* ~ лит. *draikas* 'высокий, длинный' [ЭССЯ 5: 109];

*gajъ > словен., с.-хорв. *gaj* 'лес, роща' ~ *gojiti [ЭССЯ 6: 85–86];

*glyža > словен. *glīža* 'железа' ~ *glyza, *gluza [ЭССЯ 6: 161];

*gnatъ > словен. *gnāt* 'окорок; ягодица', с.-хорв. *gnāt* 'кость' ~ *gnesti [ЭССЯ 6: 164];

*gnědъ > словен. *gněd* 'виноград с красноватыми ягодами', кайк., чак. *gned*, *gned* 'темный, гнедой' при рус. *гнедой*, польск. *gniady* и т.д. [ЭССЯ 6: 167];

*gnětiti > словен. *netiti* 'зажигать, разжигать', с.-хорв. (Црес, Хвар) *netit* (*ogèn*) 'разжигать огонь' ~ *gnesti (?) [ЭССЯ 6: 167–168];

*gnida > словен. *gnída* 'немножко, чуточку', с.-хорв. чак. *gnīda* 'кусочек, чуть-чуть' ~ норв. диал. *gnitta* 'кусочек, обломок' [Bezljaj I: 152–153];

*goldja > словен. *glāja* 'балка, стропило', с.-хорв. *glàĥja* 'шалаш' (Черногория) ~ лтш. *galda* 'доска, стол' [Bezljaj I: 144];

*kresati > словен., с.-хорв. чак. *kresati* 'высекать огонь' [ЭССЯ 12: 125];

*pa-tъšćiti > словен. *pášćiti se* 'стараться, торопиться', с.-хорв. *pāštiti se* [Куркина 1992: 190];

*peṭiti (~ *peṭi, *peṇo*) > словен. *pripetíti se* 'случиться', хорв., чак. *spéṭiti*, *pripetiti se* то же [Куркина 1992: 194];

*sorga > словен. *sraga* 'капля', с.-хорв. *sràga* то же [Куркина 1992: 117] и т. д. [подробнее см.: Куркина 2015: 425–431].

Восточным ареалом ограничено распространение праслав. **dъviz-*, **bru(k)tъ*, *boraviti, *blizna/*blizno, *bludo, *desiti/*dositi, *drusati, *dolga, *guja, *golěmъ, *glomotъ, *gъrklanъ, *gъgnьсь, *kovyль, *mešъka, *naprasъpъjъ, *patriti и т. д. В сфере обозначений рельефа местности только восточный ареал характеризуют некоторые обозначения горного рельефа, ср. *игъва, *игъvina (с.-хорв. *јрвина* 'крутой склон горы', болг. *урва* 'долина между высокими горами'), *čelorekъ/*čelorokъ (с.-хорв. *čelòpek* 'pars aprica collis aut montis', макед. *челопек*, болг. топ. *Челопечане* и т. п.), *krežъ (болг. диал. *креш* 'скалистая возвышенность', *кръш* 'пологий склон'), *golma (с.-хорв. *глама* 'голая каменная гора', болг. *глама* 'большая скала') [См. Куркина 1977: 39–54].

Предварительные наблюдения позволяют констатировать отсутствие на южнославянской территории многих древних слов: *bryla, *bydlo, *borgъ, *blōkati, *bluzniti, *bolbotati, *съpati, *degъть, *kluditi, *kluku, -*ъve*, *kogъть, *кодъра, *kovalъ, **kъb(ъ)lo*, *oldyga, *льгно, *lešćetъ, *lězivo, *льgostajъ, **lěda/leda*, *льžъka, *lyžъ, -*ъve*, *lubъka/*lubъkъ, *luběньka, *pyль и т. д. Для словенского языка, занимающего западную окраину южнославянской области, важным отрицательным показателем является отсутствие многих лексем, известных сербохорватскому, македонскому и болгарскому, ср. *gatati, *gavъrati, *globa, *dolga, *deběti, *naprasъpъjъ, *mešъka, *ristati/*riskati и т. д.

Особым вниманием исследователей пользуется проблема лексических связей западно- и южнославянских языков. Эта проблема рассматривается в общем плане и в плане особых отношений отдельных языков западного и южного ареалов. В севернолехит-

ских и южнославянских лексических изоглоссах усматривают следы старой связи предков болгар и македонцев с предками поморян и поляков [Бернштейн 1965: 33–36]. Изогlossen самого различного характера объединяют словенский, главным образом его северо-западную часть, с чешским, словацким языками и особенно со среднесловацкими диалектами (ср. сохранение группы *tl – dl*, наличие приставки *yu-*, совпадение редуцированных в одном гласном и т. п.). В литературе частично выявлены лексические соответствия словенского и чешского, словацкого языков [Bezlej 1967: гл. VIII]. Основную часть этого материала составляют изолексы, имеющие соответствия на более широкой территории, включающей восточную часть ю.-слав. языков, лехитскую группу, вост.-слав. языки. Какая-то часть изолексов ограничена в своем распространении узкой территорией словенского и южной части зап.-слав. языков.

Значительное число сепаратных изолексов проходит через эту исторически сопредельную территорию:

словен., с.-хорв. *cesta* 'дорога' ~ чеш., словц. *cesta* [ЭССЯ 3: 188];

словен. *koprněti* 'изнемогать; томиться; ждать' ~ чеш. *koprněti* 'застыть в ужасе; нетерпеливо ждать' [ЭССЯ 11: 161];

словен. *kírgati, črgáti* 'капать; стекать; оплывать' ~ чеш. *krhati, krhavý* 'о слезящихся глазах' [ЭССЯ 13: 214];

словен. *léga* 'перекладина' ~ чеш. *líha*, словц. *l'íha* 'то же', ср. укр. *slíni* 'то же' < *lěga ~ **legt'í* [ЭССЯ 14: 179];

словен. *òblok* 'окно', кайк. *oblòk*, чакав. *òblok* (при далмат. *prozor*) ~ словц. *oblok*, н.-луж. *hóblak, wóblak* < **ob(v)blokъ* (~ **ob(v)ьль* 'округлый' [Куркина 1992: 130];

словен. *òtka* 'часть плуга', хорв.-кайк. *òtka* ~ чеш. *otka*, зап.-словц. *otka* 'то же', в.-луж. *wótká* < *o(b)тъка* (~ *tykati*) [Куркина 1992: 184];

словен. *rářez* 'кол, палка' ~ чеш. *pařez* 'пень', др.-луж. *parěs* 'то же', ц.-слав. *парѣзь* *assula* < *parězъ;

словен. *pavozína* 'палка' ~ чеш. *pavuzá, pavuz*, словц. *pavúz* 'жердь', польск. *pawaz* < **pa-oz-*;

словен. *ramuš, ramuh* 'шум' ~ чеш. *rámus, rámusiti* 'поднимать шум';

словен. *sonten, soten* 'сильный' ~ чеш. *sotiti* 'ударить', словц. *sotiti* 'то же'; еще укр. *присотáтися* 'привязываться, пристать; придти, приобрести' ~ лтш. *sitù, sist* 'бить, толкать', др.-инд. *śatayáti* [Куркина 1992: 63];

словен. *teden, tјeden* 'неделя' ~ чеш. *týden* < *тъ-ъь + дьнь* [Куркина 1992: 198];

словен. *vtirati* 'бурлить, клокотать' ~ чеш. *vtavor* 'головокружение', словц. *vtirat* 'бурчать', н.-луж. *wawtís* 'говорить чепуху' < **vor-vor-/vъr-vъr-* ~ *vъrěti [Куркина 1992: 85];

словен. *žima* 'конские волосы' ~ ст.-чеш. *žiné* 'грубая нить', чеш. *zine* 'конский волос', словц. *žinka* 'тонкая веревка' ~ лит. *geinỹs* 'веревка' [Куркина 1992: 151];

словен. *žvála* 'удила', кайк. *žvale*, чак. *žvala* ~ словц. диал. *žvala*, к *žъvati [Куркина 1992: 140] и т. д.

Эти факты свидетельствуют об обособленном развитии сев.-зап. группы от «болг.-макед.» диалектов. На основании главным образом фонетических и грамматических явлений предполагают генетическое тождество словенского языка с среднесловацкими диалектами и последующее включение западнославянского диалекта в сферу влияния ю.-слав. языков [Ророви́ć 1960: гл. IV; Штибер 1972: 309–310]. В VI–VII вв. были тесные и весьма длительные контакты словенского и словацкого языков. Сильная западнославянская (а точнее среднесловацкая) инфильтрация затронула фонетическую и грамматическую систему словенского языка [Бернштейн 1961: § 13].

Вместе с тем нельзя не отметить изолексы, объединяющие западный и восточный ареалы.

К числу словенско-болгаро-македонских изолексов могут быть отнесены следующие явления:

словен. *glûta* 'шишка, желвак, опухоль' (ЭССЯ 16: 155) ~ болг. диал. *оглутка* 'огрызок' ~ англос. *clūd* 'каменная глыба' [ЭССЯ 6: 155; Куркина 1992: 167–168];

словен. *klôp*, сев.-чакав., кайк. *klûp*, *klûpa* 'scamnum' ~ болг. *клу̀па* то же < **kleu-p-* [ЭССЯ 10: 77];

словен. *krada* 'костер' ~ ст.-слав. **крада** 'костер, огонь, жертвенник' (Супр.), ст.-чеш. *krada* < *korda/ *krada [Фасмер II: 363; ЭССЯ 11: 58–59];

словен. *mlamol* 'обрыв, бездна' ~ болг. гидроним *Мламола*, река в Брезнишко, ср. славц. *mlamolit* 'чавкать' < **mol-mol-* ~ *melti [ЭССЯ 19: 190];

словен. *osôren* 'суровый, резкий', *osoren kraj* 'пустой', с.-хорв. *òsôran* 'грубый, резкий, раздражительный; заносчивый', зап. с.-хорв. *òsôrljiv* 'mingens in lectum' (Лика), хорв. *ozorno* 'aspere, austere' ~ болг. *осорлу̀вий* (Геров), зап. *осорлу̀вив* 'о болезни (мочевого пузыря)', к *srati [Bezljaj 1967: 169–170];

словен. *šátrati* 'сильно хромать; ходить раскорячась' ~ болг. диал. *шáтр'ъ*, севалиев. *шéтр'ъ*, тетев. *ш'áтри* 'блуждать, скитаться' и чеш. диал. *šátrat se* то же; к гл. *šetati (ср. русск. *шататься*);

словен. *vêg* 'кривой, изогнутый' ~ болг. диал. *вèгаф*, *в'áгаф* 'кривой, косой' ~ лит. *viëgis* 'живой, подвижный' [Bezljaj 1967: 124];

словен. *zavêtek* 'защищенное от ветра место' ~ болг. *зáвет* то же [БЕР I: 575];

словен. *zôlika* 'светлое место в лесу' (Похорье) ~ болг. родоп. *золка* 'нечто зеленое' < *zolika, *золъка*, родственное *zelenъjъ, *zolto;

словен. *žulj* 'колючее растение' словен. *žulj* < **žьld-* [Bezljaj 1967: 135] ~ болг. родоп. *жéлдé ме* (безличное) 'колет, режет', русск. *жéлдэ*, назв. растения, далее лит. *gëlti* 'колоть, жалить', лтш. *dzelt* 'то же' и т. д.

Практически через всю ю.-слав. территорию проходят важные термины хозяйственной жизни: ср. название дышла — **kьrpeľь* > с.-хорв. *кр̀пел* ‘палка на дышле плуга, регулирующая пахоту’, словен. *krepel* = *krepel* = *krepelo* = *krpelj* (Бела Краина) ‘палка’, болг. диал. *к̀ртил*, *кр̀нея*, *к̀рпел* с близким кругом значений, далее ср. чеш. морав. *karpel* ‘палка, нога’ ~ слав. **kьrpati* ~ лит. *kiĩpti* ‘резать, стричь’, ср. еще польск. *karpa* ‘подземная часть некоторых растений, напр., спаржи; пень, коряга, колода, за которую можно закрепить лодку, рыбацкую сеть’ (XVI в.), ст.-прусск. *surpis* ‘колода в наковальне’ и с чередованием лит. *kerpelẽ* ‘вырванный с корнем сгнивший пень, корневище поваленного дерева’ [Sławski II: 82–83].

Другой близкий термин **kьrčelь* (~ **kьrčiti* ‘сжимать’) > с.-хорв. *к̀р̀сел*, болг. родоп. *кар̀ч̀оли* мн. ‘задняя раздвоенная часть дышла’, *кор̀ч̀и* мн. ‘вертикальные жерди в ткацком станке’. Ср. еще укр. буков. *кор̀ч̀ути* ‘спаренные сани для перевозки дров’, бойк. *корч* ‘рукоять плуга’ [Куркина 1981: 96–97].

Показательна еще одна особенность — схождения с балтийскими языками разных частей словника западного и восточного ареала на ю.-слав. территории. Некоторые балто-славянские изолексы прослеживаются лишь в юго-восточном ареале: ср. болг. *б̀рна* ‘губа’ ~ литов. *burnà* ‘рот’, болг. *др̀ска* ~ литов. *druskà*, болг. *гр̀клян* ~ литов. *gurklỹs* ‘зоб’, и т. п. Существуют и балто-славянские изолексы, ограниченные северо-западным ареалом и неизвестные остальным южнославянским языкам: ср. словен. словен. *čulek* и лит. *kiaũlẽ* ‘свинья’, *vada* ‘вид невода’ ~ лит. *vãdas* ‘сеть’, словен. *snũditi se* ‘сновать’ ~ лит. *snaudà* ‘медлительность’, словен. *trabi* ‘рассоха в повозке’ ~ лит. *trobà* ‘дом, постройка’, словен. *sũl* ‘дым’ ~ лтш. *svals, svala* ‘то же’ и т. п. [Трубачев 1963: 189; Bezlaj 1967].

Мы очень кратко обозначили лишь некоторые направления связей. Картина распределения ю.-слав. изолексов носит более

сложный, дробный характер. В стороне остались, в частности, лексические связи южных и восточных славян. Каждое из этих направлений – тема отдельного исследования. Но даже основываясь на приведенных наблюдениях, естественно поставить вопрос: как объяснить, что при делении южнославянской территории на две части некоторая общность в словаре связывает западную и восточную окраины?

Вопрос об истоках южнославянской языковой группы имеет принципиальное значение для понимания процесса формирования и механизма развития языков и диалектов, занимающих территорию к югу от Дуная. Для южнославянской языковой группы, в силу особенностей формирования её структуры, миграционный фактор имеет решающее значение при объяснении значительной части изоглосс. Именно в миграционных процессах следует искать объяснение тем фактам, что 1. значительная часть изолексов связывает болгарский с северо-западной частью южнославянских языков и что 2. часть изолексов объединяет южно- и западнославянские языки.

Внутриюжнославянские отношения и их внешние связи позволяют говорить в общем виде о сложном, неоднородном диалектном и этническом составе первых переселенцев на Балканы и в Восточные Альпы. Судя по направлению изоглосс, к северу от Дуная в древней Паннонии существовала диалектная общность, к которой восходят истоки ю.-слав. языков и диалектов. Известно, что южные славяне пришли на Балканы и в Восточные Альпы не раньше VI-VII вв. Очень важным центром славянских миграций с VI в. была Паннония. Эта северная римская провинция, занимавшая большую территорию Среднедунайской низменности, была той областью, где стягивались в один узел важнейшие транспортные артерии, ведущие на юг, в Италию, Грецию, Средиземноморье, в Альпы. Через эту переходную область перемещались разные народы, здесь формировались первые племенные союзы, здесь складывались первые государственные об-

разования.

При истолковании гетерогенности ю.-слав. языковой группы Ф. Миклошич и Е. Копитар исходили из предположения о более раннем по времени мощном потоке переселенцев, состоявшем преимущественно из «словенских» и «болгарских» племен, захвативших Паннонию, Моравию и всю территорию от Краса до Черного моря. Позднее этот лингвистически однородный слой, как они полагают, был раздвинут к западу и востоку вклинившейся колонией носителей сербохорватского языка. Из этого положения вытекал ошибочный вывод о паннонско-каринтийском происхождении старославянского языка. На большом материале в работах В. Ягича, Облака была показана несостоятельность такого понимания истоков старославянского языка. Все данные говорят о том, что миграционные процессы протекали более сложно.

Балканы заселялись миграционными потоками из западной и восточной Паннонии. Комплекс диалектов с намечающимися чертами южно- и западославянского типа принимал участие в формировании двух южных периферий и диалектов западной группы и, следовательно, был одним из генетических источников языковых групп южных и западных славян. Из Паннонии шло движение на северо-запад в глубь Восточных Альп, на юг и юго-восток по бассейнам рек Тиса, Морава, Варда в направлении Сердики и на Филиппополь, в Фессалоники, Македонию и Грецию.

Из сообщения IX в. в «Баварском географе» (IX в.) узнаем, что славяне, жившие в Паннонии, составляли один союз племен, а славяне, жившие в Каринтии, — другой. «Баварский географ» одних называет *Quarantani*, других *Sclavi: in partes Sclavorum*. На этом основании высказывалось предположение, что на большей части Паннонии жили будущие западные славяне, а к западу от них, у истоков Муры и Дравы, — славяне южные, но местами южные славяне вклинивались островами между западными славянами. О смешанном характере населения Паннонии свидетель-

ствует, в частности, топонимия Венгрии. На территории Венгрии представлены топонимы не только словацкого типа, здесь выделяется довольно значительный слой топонимов болгарского и словенско-кайкавского типа [Kniezsza 1963].

Предположение о заселении восточной части Балкан по меньшей мере двумя потоками славянских племен с северо-запада и северо-востока поддерживается историческими свидетельствами. В V-VII вв. в эпоху активных славянских миграций, по сообщениям готского историка Иордана, славяне, выступающие под общим названием 'венеты', меняют свое наименование «соответственно различным родам и местностям» и имеют два имени — склавены и анты [Скржинская 1957: 3–30]. Склавены занимали широкое пространство от средней Савы и восточной Паннонии до нижнего Дуная, анты селились на побережье Черного моря между Днестром и Днестром. В VI в. огромные массы славян участвовали в нашествиях на Балканы. Один колонизационный поток шел по северо-восточным склонам Карпат, долине р. Прут к Нижне-Дунайской низменности. Другой путь имел исходной базой бассейн р. Моравы, Тисы и восточную Паннонию. Славяне перемещались с севера и северо-запада вверх по Мораве в направлении Сердики и на Филиппополь, по Мораве и Вардару в Фессалоники, Македонию и Грецию. На нижнем Дунае размещался территориальный союз славянских племен, известный под названием «семь славянских родов», и племя северов. Все данные говорят о том, что восточная часть Балканского пол-ва заселялась не одним монолитным колонизационным потоком с востока или только с запада. Основываясь на отражении еров в болгарских диалектах, И. Гъльбов предполагает, что вост.-юслав. область заселялась, по меньшей мере, тремя потоками [Гъльбов 1964: 381].

Вся совокупность данных — исторических и собственно языковых — свидетельствует о том, что ю.-слав территория — это результат соединения, смешения и интеграции славянских

племен, двигавшихся в разных направлениях, разными путями с востока, запада и севера.

Литература

Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бернштейн 1965 — *Бернштейн С. Б.* К изучению польско-южнославянских языковых связей // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* V. Warszawa, 1965.

Вакарелски 1934 — *Вакарелски Х.* Няколко културни и езиковни граници в България. Принос към фолклорни атлас на българите // *Известия на Българското географско дружество*. София, 1934. Кн. II.

Гълъбов 1964 — *Гълъбов И.* Ерови застъпници и българското диалектно членение // *Изв. на Института за български език*. 1964. Кн. XI.

Куркина 1981 — *Куркина Л. В.* Некоторые вопросы формирования южных славян в связи с паннонской теорией Е. Копитара // *Вопросы языкознания*. 1981. № 3.

Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна, 1992.

Куркина 2015 — *Куркина Л. В.* Словенская лексика в «Этимологическом словаре славянских языков» (вып. 1-39-, М., 1974-2014-) // *Simpozij. Symposium. OBDOBJA 34 · Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis. 1. del. Grammar and Dictionary – Current language description · Part 1*. Ljubljana, 2015.

Младенов 1971 — *Младенов М.* Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке (название ярмов в болгарских говорах) // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1971.

Младенов Ст. 1914 — *Младенов Ст.* Славянские этимологии // *Русский филологический вестник*. 1914. LXXI.

Скржинская 1957 — *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. Из комментария к Иордану // *Византийский временник* XII. М., 1957.

Топоров 1968 — *Топоров В. Н.* Новейшие работы в области изучения балтославянских языковых отношений // Вопросы славянского языкознания. М., 1968. Вып. 3.

Трубачев 1963 — *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 159-196.

Трубачев 1976 — *Трубачев О. Н.* «Этимологический словарь славянских языков» и «Праславянский словарь». Опыт параллельного чтения // Этимология 1976. М., 1978.

Штибер 1972 — *Штибер З.* О древних словенско-западославянских языковых связях // Русское и славянское языкознание. М., 1972.

Bezljaj 1967 — *Bezljaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Bezljaj — Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–1995. Т. I-V.

Jankowiak 1997 — *Jankowiak Lucyna Agnieszka.* Prasłowiańskie dziedzictwo leksykalne we współczesnej polszczyźnie ogólnej (Na podstawie *Słownika prasłowiańskiego*. Т. 1-7) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 23. Warszawa, 1997.

Kniezsa 1963 — *Kniezsa I.* Charakteristik der slawischen Ortsnamen in Ungarn // Studia Slavica. 1963. Т. IX. F. 14.

Lehr-Splawiński 1938 — *Lehr-Splawiński T.* Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim // Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby. Т. 2. Kraków, 1938.

Orłoś 1958 — *Orłoś T. Z.* Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 3. Warszawa, 1958.

Popović 1960 — *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Popowska-Taborska 1991 — *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław etc., 1991.

Radewa 1963 — *Radewa S.* Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 4. Warszawa, 1963.

Sławski — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952-1983. Т. I-V.